

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

ХОЛОД ЖИВОТВОРЯЩИЙ

БЕРЕЗОВЫЙ ЛЕТУЧИЙ ДЫМ...

Берёзовый летучий дым,
Растёкшийся над нивой белой,
Померкнул, чуя, как под ним
Сгустился воздух повлажнелый.

Крадётся, подступает мгла...
Но отразился с быстротою
Блеск молнии — иль плеск крыла? —
Над потаённую водою.

Как гул — иль на ветру леса? —
Как чей-то отголосок думы,
Неразличимы голоса
Вселенского земного шума.

.....
Отдохновение глуши.
Путь зажигающийся Млечный...
Сокройся, слейся, стой... Дыши
Одним дыханием с Предвечным.

КОНОВСКОЙ Николай Иванович родился в селе Варваровка Алексеевского района Белгородской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Автор книг "Равнина", "Твердь", "Зрак", "Врата вечности", подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

УТРО ЯБЛОЧНОГО СПАСА

Томят минувшего руины.
Молчат полночные равнины,
Но лишь затеплится восход,
Удержанное горней дланью,
Горé — незримое создание
Над жизнью брэнною поёт...

Пророчествует и вещает?
Вглядеться хорошо мешает,
Слепит случайная слеза.
Благой, а не земною страстью —
Непререкаемую властью —
Тебя возносит в небеса.

.....

Крошатся дни. Мелеют реки.
Но верую: в грядущем веке
Предстанет — дивным бликом — мне
Спас яблочный: встаёт из праха
Россия; солнечная птаха
Звенит в небесной вышине!

КРОВНОЕ, ТАЙНО-РОДНОЕ

Как будто со сна зароптали древесные главы,
И мир поднебесный накрыло шумящею лавой,

И в недра подземные, не обретая свободы,
Рванулось неистовство — линией громоотвода!

Был мела белее, метавшийся криво и косо,
Во тьме березняка, обезумевший и безголосый.

Слепя, приближалось, гремело — то ниже, то выше,
И было готово сорвать уже старую крышу.

Я дверь отворил и почуял во мраке горящем,
Как грудь окатило вдруг холодом животворящим!

И слушал, застывший, как рушится ливень стеною,
Как медленно близится кровное, тайно-родное...

А твердь содрогалась, и длился неумолчный хаос!..
И счастье забытое мёртвого сердца касалось...

ОГОНЬ

Зимы хоронят живьём...
Плохо с тобой мы живём,
Каясь и тяжело греша,
Близкая сердцу душа.

Сердце сквозь стужу неся,
Вижу: озябла ты вся
В лютой пурге забытья,
Смертная радость моя...

Боль мою с сердца сними;
На вот, с ладони возьми
Этот к тебе на ладонь
Перелетевший огонь!..

СТАНЦИЯ ЛИСКИ, СТАНЦИЯ РОССОШЬ...

Столичной неважною птицею
В сторону юга
Порой проезжаешь:
Вот сзади остался Воронеж;
Вот станцию Лиски
В скопление товарных составов
Проследовал поезд;
Уж Дон с величавым теченьем
Остался под нами;
Вот справа уже Дивногорье
Застыло, незримое, где-то с его меловыми
Трудами ветров изваянными “дивами”;
Кельи,
Руками монахов в горах иссечённые;
Лики
Икон богородичных чтимых,
Особо — “Расстрельной”,
Слезами кровавыми плачущей;
И “Сицилийской” —
Помощницы скорой в напастях, скорбях и болезнях.
Хоть не был давно там, и всё же как благословенье
Тот ответ святыни беру я в дорогу с собой...

Вот так и смотрел бы, смотрел бы всю жизнь неотрывно
На эти поля, рассечённые рвами; низины,
Заросшие вербой; на дальний полёт ястребиный;
Вершины холмов, где живое всё выжжено солнцем...

Поклон мой тебе, долгожданная станция Россошь,
Что в детстве далёком казалась тогда из села,
Лежащего в часе каком-то езды от тебя,
Огромного мира, всей русской земли средоточьем;
А ныне, напротив, души и судьбы средоточьем,
И русского мира я старое вижу село,
От станции Россошь лежащее в часе езды,
Куда возвращает больная немолчная память,
Где близких могилы,
Где всё разметала беда,
Где воздух дрожащий пропах чабрецом и полынью,
А если б случилось вдруг как-нибудь встретиться с той,
Что летнего утра свежее была и прекрасней,
Скорее всего, не узнали б мы с нею друг друга...

Там воды неслышные Чёрной моей Калитвы
Видением сонным, мелея, уносятся в Лету...

...Куда возвращает больная немолчная память,
И раненой птицей в своём безрассудном старенье
Отчаянно бьётся в закрытые двери былого....

И близок-то локоть, — подметили мудрые люди, —
А как ни пытайся — его все равно не укусишь...

КАЛЕНДАРЬ

...Сначала — усладой забытых услад
Был тихий, как снящийся сон, листопад.
Срывались с деревьев, ложились листья
На землю, на давние чьи-то следы.

Затем, заметая дворы и дома,
Дохнула холодным дыханьем зима,
И призраком диким — до неба возрос
В пространстве мятущемся снежный хаос.

А после морозов, ясна и красна,
Явилась завидная дева-весна:
Вода забурлила, запахла синель,
И мир огласила полночная трель
Певца, что умрёт от восторга вот-вот...
Потом долгожданное лето придёт,
Как счастье — из горя, как солнце — из тьмы...

А после — с тобою расстанемся мы...

НА ДНЕ СОЗНАНИЯ...

Бегут года, то разрывая вены,
То лишь чадя, как догоревший трут.
Но жизнью цепкой и неубиенной
На дне сознания странного живут
И свет воды, и пенье трав, и рощи
Сквозящая божественная сень...

Сколь ни тяжёл подобьем плит налегший
Остановившийся жестокосердный день,
Как в темноте — зарницы ночи летней,
Неуследимо, как горящий сон,
Свергаясь в Зев, угрюмо и бесследно
Пройдёт и он...